

Но все это пропадет, если не будет ликвидирована главная опасность — опасность падения легитимности власти. Сейчас катастрофически падает доверие людей к российской власти в целом, включая и Медведева, и Путина, и, кстати говоря, партию власти «Единая Россия». То есть растет недоверие ко всей конструкции власти. И в этих условиях, с нашей точки зрения, никаких конструктивных реформ провести нельзя. Подчеркиваю: даже если они, в общем-то, правильные. Какие-то шаги можно сделать, но поддержки они точно не получат, а если где-то чем-то придется поступиться, то будут массовые протесты и добром это не кончится. Поэтому, на наш взгляд, **нужна некая «перезагрузка» власти, чтобы она, власть, начала пользоваться доверием населения.** И только после подобной перезагрузки можно будет начинать программу реформ.

К сожалению, действия Медведева или действия Путина, будь они правильные или неправильные, оказываются вторичными по отношению к этому фундаментальному факту. Следовательно, если мы развиваем мысль, что есть такой фундаментальный факт роста недоверия, который проявляется независимо от того, что делает власть конкретно, то, соответственно, надо каким-то образом менять политическую систему, чтобы она могла выдвигать новых людей, создавать условия для того, чтобы власть выбиралась на конкурентной основе и благодаря этому обладала каким-то ресурсом доверия и легитимности. И уже тогда реформы можно будет проводить с большей уверенностью в их успехе и с меньшими опасениями вызвать народные протесты.

\* \* \*

**К сожалению, сложно сказать, насколько такая форма, как доклады, специфична для России в качестве обмена мнениями между экспертным сообществом и властью. Но, в принципе, я думаю, это нормально само по себе. Ведь в России отсутствуют какие-то иные каналы коммуникации между властью и экспертами.** В России нет авторитетных малых издательств. Одновременно научные издания деградировали до такой степени, что их публикации просто невозможно читать (их читают только те, кто сами пишут диссертации, чтобы на кого-то сослаться). Массовые СМИ находятся в более выгодном положении. Их верхушка соприкасается с экспертным уровнем. Но даже в «Коммерсанте» или «Ведомостях» можно опубликовать только очень короткий экспертный текст. Есть журнал «Эксперт», который поддерживает высокий уровень аналитики. Не более.

Но это парадокс. Это не научные издания, это издания, в общем-то, массовые, хотя и с такой специализацией, направленной на какое-то в широком смысле экспертное сообщество. Больше у нас ничего нет. Иными словами, в России наблюдается дефицит авторитетных брендов, с помощью которых можно было бы транслировать новые идеи, которые бы воспринимались обществом с доверием. ■

Специально для РЖ

## МЕДВЕДЕВ — НЕ ПРОГРЕССИСТ, А РЕФОРМАТОР



САМУЭЛЬ ЧАРАП — политолог, директор российских и евразийских программ Центра за американский прогресс

Специально для РЖ

В одном из предыдущих выпусков ньюслеттера Русского Журнала, посвященном прогрессивизму — «Медведев: поворот к прогрессивизму» — президент России чуть ли не был назван прогрессистом в том смысле, как это слово трактуется в США. Ну, или по крайней мере ставился вопрос о том, является ли он таковым или нет. Однако в нашем американском понимании это абсолютно неправильное слово для обозначения того, о чем идет речь. Скорее, здесь более уместны выражения — реформатор, его реформаторский ритм, реформаторское продвижение политики. Прогрессивизм имеет очень конкретное значение для американцев. Это течение в американской политической мысли, имеющее долгую историю, уходящую в XIX век. Так что, **когда говорят о Медведеве, то все же имеется в виду, что он реформаторский президент. Он ассоциирует прогресс с мыслью об изменениях в социально-экономической жизни России** в отличие от консерватизма, который выступает за сохранение того, что есть.

В России и США разная повестка, поэтому и то, что может быть названо прогрессивным, оказывается разным. Будь Медведев на месте Обамы, он мог бы, наверное, поддержать некоторые из его решений, например, касающиеся реформы системы здравоохранения, но все же у него

совсем другая обстановка, совсем другие задачи и — самое главное — совсем другие государственные институты. Если у нас прогрессист видит в государстве отражение политики, которое нужно для решения коллективных задач, то в России госаппарат, из-за его советского наследия, скорее представляет эту связь зачастую наоборот.

Особую роль в продвижении прогрессивных и реформаторских идей играют *think-tank*'и. Массовое появление *think-tank*'ов в XX веке было связано с тем, что задачи, которые было необходимо решать на политическом уровне, стали более сложными. Например, если сравнить количество задач, которые стояли перед президентом Соединенных Штатов и законодательной властью сто лет назад и сейчас — то сегодня этих задач в разы больше. Кроме того, становлению *think-tank*'ов способствовало распространение практики благотворительности, пожертвований разным независимым фондам.

Надо четко понимать, что *think-tank*'и в США играют значительно более важную роль, чем в Западной Европе. Это обусловлено целым рядом причин. Во Франции, например, очень трудно внедрять извне новые идеи и новые кадры в государственные учреждения, так как там очень сильна корпоративная этика гражданских служащих. ■